

Самуїл Маршак

*Но все трудней мой следующий день,
И все темней грядущей ночи тень [6, с.67]*

У перекладі Остапа Тарнавського збережено плеоназм „а день щодня”, „а ніч щоночі”, що має місце в першоджерелі. Слово *soğow* перекладено як словом „біда”, так і словами „журбою, болем”. Сполучник *but* перекладачі подають сполучниками *a, ta* (в значенні *але*), *no*.

Висновки.

Цікаво зазначити, що дієслова можуть бути подані:

1) особовою формою (довжить, підніма); 2) складеним дієслівним присудком (чинить тяжчим); 3) складеним іменним присудком (трудней, темней).

Порівнюючи засоби передачі інфінітива мети української мови, можна стверджувати, що останній може бути перекладено: 1) іменником; 2) дієсловом; 3) дієприслівником; 4) підрядним реченням мети.

Спостерігається і різноформленість у категорії числа: зірка [4, с.342] – звезды [6, с.67].

Література:

1. Маршак С. Избранные переводы. – М.: Художественная литература, 1978. – С.353.
2. Франко І. Зібрання творів: У 50-ти тт. – Київ: Наукова думка, 1978. – Т.12. – С.339-343.
3. Шекспір В. Сонети / Переклад з англ. Остапа Тарнавського. – Філадельфія: Мости, 1997.
4. Шекспірові сонети / В перекладі Ігоря Костецького. – Мюнхен: На горі, 1958. – 254с.
5. Шекспир У. Сонеты. – М.: Радуга, 1984. – С.53, 67.
6. The Ukrainian Translation of Shakespeare's Sonnets: A Stylistic Analysis. By Orysia Prokopiw. – Ottawa: University of Ottawa Press & Gateway Publishers, 1976. – 334pp.

Поступила 21.09.2004 г.

СОБРАНИЯ РОССИКИ И УКРАИНИКИ КАК УСЛОВИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.В. Орехов

В статье доказывается, что инонациональная рецепция страны является важным фактором процесса межкультурной коммуникации и это выражается в целенаправленном сборе информации, которая характеризует отражение своего национального облика в культуре народа-собеседника.

Ключевые слова: имагология, коммуникации, образ, россияка, стереотип

У статті доказується, що інонаціональна рецепція країни є важливим фактором процесу міжкультурної комунікації і це виражається у цілеспрямованому зборі інформації, що характеризує відображення свого національного вигляду у культурі народу-суб'єкту діалогу.

Ключові слова: имагологія, комунікації, образ, росіка, стереотип

This article proves that the perception of one country by a foreign culture is an important factor in the process of intercultural communication. This finds its expression in a meaningful collection of information characterized by the projection of one's "own" national image into the image of the culture of the other party in this intercultural dialogue.

Key words: perception, important factor, intercultural dialogue

Образ собеседника – важный фактор любого рода коммуникаций. В сфере межкультурного диалога этот образ принято именовать «национальным имиджем» или «национальным стереотипом». На наш взгляд, первое определение более универсально, поскольку представление о народо-собеседнике далеко не всегда стереотипно. Это представление, хотя и отличается инертностью, все же исторически изменчиво. Более того, именно стремление сломить устоявшееся представление друг о друге зачастую заставляет участников коммуникации возобновлять диалог или придает процессу диалога дополнительный оттенок. В качестве примера можно указать на любое опровержение «зарубежной клеветы» о народе или государстве. Однако внимание коммуниканта к инонациональной рецепции проявляется не только в отдельных репликах. Оно выражается в целенаправленном сборе информации, которая характеризует отражение *своего* национального

облика в культуре собеседника. Цель настоящей статьи – доказать, что участник межкультурного общения сознательно и постоянно стремится к постижению собственного национального имиджа в глазах партнера по межкультурной коммуникации. Для этого обратимся к истории создания в России специальных книжных собраний, целиком посвященных зарубежному восприятию России и Украины.

Сосредоточенный интерес к коллекционированию зарубежных текстов об отечественной истории, науке, искусствах, географии, статистике прослеживается в России с начала XIX в. Наиболее известным собранием разноязычных источников на эту тему является отделение «*Russica*» в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге. Инициатор коллекции – барон (с 1872 г. граф) Модест Андреевич Корф (1800-1876). Назначенный в 1849 г. директором Императорской публичной библиотеки, он организовал «особое отделение, предназначенное собирать все опубликованные на иноземных языках книги, связанные с Россией в каком бы то ни было отношении – внутреннем или внешнем» [23, т. I, с. I].

Впрочем, М.А.Корф стал собирателем иностранной литературы о России задолго до вступления на пост директора библиотеки. Именно он снабдил А.С.Пушкина, работавшего над историей Петра I, перечнем зарубежных исторических источников. В этом списке 200 источников, из них 133 на иностранных языках; а если учесть, что некоторые русскоязычные тексты являются переводом иностранных, то доля источников иностранного происхождения составит около $\frac{3}{4}$ списка [17, т. 10, с.402-412]. «Лет пятнадцать тому назад, – разъяснял Корф судьбу этого каталога в письме Пушкину от 13 октября 1836 г., – когда служба не поглощала еще всего моего времени, мне хотелось ближе изучить русскую историю, и это постепенно навело меня на мысль: составить полный библиографический каталог всех книг и пр., когда-либо изданных о России <...>: труд компилятора, но который в то время приносил мне неизъяснимое удовольствие. <...> Я собрал огромный запас материалов, впоследствии, однако ж, оставшихся без всякой дальнейшей обработки и частью даже растерянных. <...> Из разрозненных ее остатков я собрал все то, что было у меня в виду о Петре В<еликом>, и посылаю тебе <...>. Это одна голая, сухая библиография, и легче было выписывать заглавия, чем находить сами книги, которых я и десятой части сам не видел. В этой выборке нет ни системы, ни даже хронологии <...>» [17, т. 16, с.164-165].

Интерес к европейской литературе о России был одним из «отзвуков» войны с Наполеоном. В период пребывания русских войск в Париже российский имидж интересовал всю армию – от солдата до императора. Князь, генерал-майор С.Г.Волконский (будущий декабрист) сообщал 2 января 1815 г. из Парижа П.Д.Киселеву, будущему послу в Париже (с 1856 по 1862 гг.): «Я составляю здесь коллекцию из всех сочинений, которые уже созданы и которые создаются против нас и в защиту нас. Невообразимы все те басни, которые рассказывают о нас, и в особенности о кампании 1812 года. Г-н Ла-Бом, работу которого, я думаю, вы знаете, сочиняет тоже сильно по некоторым пунктам» [10, с.210]. В конце 1815 г. директор Императорской публичной библиотеки А.Н.Оленин высказывался о необходимости сбора для библиотеки «иностранных сочинений, касающихся до России, и особенно тех из них, кои относятся к знаменитой войне 1812, 1813 и 1814 годов» [13, с.8]. Очевидно, что интерес к французскому восприятию России неизбежно должен был передаваться от поколения участников Наполеоновских войн к поколению ровесников А.С.Пушкина.

М.А.Корф несколько занижает степень своего пристрастия к коллекционированию литературы о России, акцентируя внимание на служебных достижениях (с 1834 г. он статс-секретарь, доверенное лицо императора и исполняет должность государственного секретаря [1, с.458]). Однако заметим, что Корф был не просто коллекционером. Он предпринимал попытки научного осмысления собранного материала. Так, в 1822 г. он опубликовал в «Северном архиве» работу, представляющую Россию начала XVII в. глазами *датского посольства* [9]. Да и Пушкину библиографические интересы Корфа представлялись чем-то более серьезным, нежели забытое юношеское увлечение. Перед смертью, по признанию самого Корфа, Пушкин «ссудил его разными старинными и весьма интересными книгами о России» [19, с.207]. Между тем, Корф продолжал делать успешную карьеру, далекую от привязанности к истории (с 1843 г. он член Государственного совета), пока в 1849 г. в связи с назначением на должность директора Императорской публичной библиотеки старая привязанность не совпала с его служебными обязанностями. Теперь «сухая библиография» по истории России должна была приобрести вид «системы» и «хронологии».

Формирование «*Russic*-и» стало основным направлением работы библиотеки. Дело сводилось не только к отбору имевшихся книг. На основании «многолетних библиографических заметок» барона Корфа и по другим данным были выявлены издания, недостающие в новом отделении [7, с.31]. По свидетельству библиографа Р. Минцлова, «со всех книжных рынков, от Тегерана до Нью-Йорка, собиралось все, что только могло служить к его пополнению» [12, с.VII]. Корф лично закупал в Европе значительные собрания книг. В 1850-е гг. «*Russica*» приобретала ежегодно от 1200 до

1800 изданий [13, с.11]. С увеличением коллекции обострялся вопрос о принципах отбора и систематизации материала. Тогда в 1851 г. Библиотека опубликовала (на нем. яз.) каталог необходимых изданий, который должен был привлечь к участию в составлении фондов научную общественность. О судьбе «Russic-и» осведомлялась и широкая публика. В 1855 г. «Современник» сообщал, что уже сформированы «алфавитные каталоги иноязычных сочинений о России, коллекция которых в библиотеке очень богата» [15, с.6].

Однако проблема регламентации фонда продолжала вызывать «величайшие противоречия» [23, т. I, с.II]. Составители отделения решили снова прибегнуть к мнению «российских и заграничных ученых и библиографов» и опубликовали в 1860 г. (на франц. яз.) «Пробные листки каталога Russica». «Эти листки, – по словам издателей, – должны были стать, если допустимо так выразиться, соединительным звеном между материалами первого пробного издания, опубликованного в 1851 г., и полным каталогом, уже существовавшим в библиотеке (в рукописи)». О том, насколько сложным был вопрос о структуре и границах «Russic-и», свидетельствует издание библиотекой в 1865 г. специальной брошюры «Правила и вопросы относительно алфавитного каталога отделения многоязычных сочинений о России, предлагаемые на обсуждение гг. библиотечарей в общем их собрании» [13, с.12]. В результате «Russica» стала первым отделением, получившим систематический каталог, который составлял гордость библиотеки [6, с.41]. В 1869 г. было решено опубликовать полный алфавитный каталог «Russic-и». М.А.Корф к тому времени (с 1861 г.) уже не занимал должность директора Библиотеки, но, «как основатель отделения» и «как верный друг наукам», решил взять на себя «руководство всей работой» [23, т. I, с.II]. Полный каталог был издан в двух томах в 1873 г.

По моему подсчету, в каталоге представлено 28 491 наименование. Источники указаны в алфавитном порядке. В конце II-го тома находится предметный указатель. Любопытно, какими критериями пользовались составители справочника. Границы отбора источников обоснованы (по-французски) в предисловии к каталогу. Составители отмечают, что «обозначали названием Russica все иноязычные произведения, которые в каком-либо отношении (историческом, географическом, этнографическом, натурально-историческом, теологическом, литературном, медицинском и т.п.) связаны с Россией». Из собрания, однако, были исключены «книги на болгарском, сербском, хорватском языках, напечатанные кириллицей, а также сочинения на греческом и восточных языках по причине их специфического алфавита и произведения на литовском, финском, эстонском или латышском языке», поскольку сочинения на трех последних языках должны были составить отдельное приложение к Russic-e. В каталог не попали также «ни энциклопедические труды, ни собрания путешествий или иные подобные сборники, где встречаются лишь время от времени одна-две статьи о России» [23, т. I, с.III].

Спорным оказался вопрос, включать ли в каталог произведения о тех странах, которые в прошлом не входили в состав России. По этому поводу составители выработали следующие установки. Было привлечено «все, что касается Финляндии, балтийских областей, южных и восточных приобретений, а также учтено, без ограничения эпохой российской принадлежности, все, что связано с районами или городами, которые, принадлежа прежде России, лишь временно оказались под чужестранным владычеством. Польша была принята к рассмотрению лишь со времени ее объединения с Россией. Однако произведения, которые разом охватывают ее историю, как и те, что вышли в свет до эпохи объединения и касаются натуральной истории или юриспруденции, были отнесены к Russic-e». В отношении некоторых стран, например, Литвы Лапландии, Армении, принадлежавших частью другим империям, в случаях, «когда невозможно было решить, что принадлежит – одной, а что – другой», книги были отнесены к Russic-e. Сочинения о славянах за пределами России, за исключением филологических и лингвистических трудов, в каталог не включались [23, т. I, с.IV].

Что касается чисто художественной литературы, то к Russic-e относили «любой роман, любую драму, любое стихотворное произведение, сюжетом которых является русская история, которые касаются русских нравов и обычаев или действие которых происходит в России». Кроме того, в каталоге были указаны все переводы русских книг («даже когда сюжет не касался России»), все периодические издания, газеты, журналы и календари на иностранных языках, выходившие в России. Когда составители затруднялись решить, имеет ли книга отношение к России или нет, было решено попросту ориентироваться на название: «сочинение учитывалось, если его заглавие ясно констатировало связь с Россией, и отбрасывалось в противном случае» [23, т. I, с.IV]. Как видно, границы россики были определены довольно широко. Понятно, что они не всегда очерчены четко. Тем не менее, это – первый масштабный опыт лимитирования россики. И сегодня определение границ и содержания россики вызывает вопросы [11, с.19-27].

Отметим, что украиника (в соответствии с изложенными выше принципами) была включена в состав каталога. Таким образом, «Russica» может служить справочником и по украинике. В предметном указателе история Украины и казаков выделена в отдельную графу [23, т. II, с.657]. А если учесть, что материалы об Украине присутствуют во многих других разделах (география, политика, медицина, религия и т.д.), и прибавить к этому источники, относящиеся к эпохе общеславянской истории, масштабность корпуса украиники в каталоге «Russica» станет очевидной.

Научная востребованность «Russic-и» обнаружилась еще до выхода в свет ее полного каталога. Так, в 1871 г. Р.Минцлов на основе этого собрания и библиографических записок Корфа подготовил к 200-летию Петра I каталог иностранных сочинений о России петровской эпохи [12]. Собрание «Russica» и сегодня является уникальным источником материала для составления библиографических справочников по истории и этнографии различных регионов, например Крыма [14, с.27]. По оценкам библиографов, полнота фондов «Russic-и» по некоторым темам, например война 1812 г., составляет 90% [18, с.54].

Необходимо сказать, что еще до возникновения «Russic-и» существовала частная библиотека А.Д.Черткова, «которая была единственным в России большим собранием таких книг» [5, с.221]. Александр Дмитриевич Чертков (1789-1858) – историк и археолог, председатель Московского общества истории и древностей российских, нумизмат и коллекционер, многие годы «тщательно отыскивал по преимуществу редкие и замечательные книги <...> как в России, так и в чужих краях» [3, с.424]. В 1838 г. Чертков издал каталог (и тут же «Приложение I») своей коллекции «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях». Однако в 1845 г. появилась необходимость издать второе «Приложение» [20], в котором к 7 тысячам описанных источников прибавлялось еще «около *тысячи восьмисот* томов». Книги в каталоге Черткова расположены тематически. Кроме того, «Приложение II» снабжено 10 «росписями», то есть указателями (именным, по типографиям и т.д.), которые относятся ко всему опубликованному с 1838 г. блоку источников. А.Д.Чертков собрал книги «на каком бы то ни было языке», и, по его собственной оценке, в коллекции «число иностранных авторов, писавших о России и о славянах на всех языках, доходит до *тысячи* имен» [20, с.II].

Все наименования книг в каталоге снабжены «замечаниями» разного объема, в которых, кроме библиографической информации, присутствуют элементы анализа и оценки научной значимости источника, указания на наиболее интересные сведения, заключенные в нем. Сам составитель говорит, что «из этих примечаний можно, по крайней мере, вывести заключение, что «Всеобщая библиотека России» состоит не только из *собранных*, но вместе с тем из *прочитанных* книг» [20, с.IV]. Отдавая дань скромности автора, отметим, что его примечания несут обширную и добросовестно подобранную научную информацию. Они значительно облегчают работу с источниками. Так, например, из «замечаний» к франкоязычному изданию «La Turquie d'Europe <...> par Ami Boué» (Париж, 1840) читатель может уяснить, что в книге встречаются сведения о древнеславянских памятниках, и даже узнать – на каких страницах. К сожалению, каталог Черткова был издан малым тиражом, поскольку воспринимался составителем «как первая попытка и как пробные листы, которые собиратель раздавал своим друзьям и комиссионерам для пополнения и новых указаний» [3, с.424]. К началу XX в. каталог стал считаться библиографической редкостью.

По свидетельству Н.Барсукова, А.Д.Чертков умер «с пером в руках над фолиантами, монетами и рукописями», оставив «отборную библиотеку, заключающую в себе с лишком 9 500 сочинений (17 300 частей)» [3, с.425]. После смерти Черткова заведование библиотекой взял на себя П.И.Бартенев. К концу 1862 г. Бартенев завершил описание библиотеки, переведя его на карточки в общем азбучном порядке, кроме того, книги были размещены в новом помещении «по способу, принятому в библиотеке Британского музея» [3, с.425]. В 1863-1864 г. Бартенев издал новый каталог библиотеки Черткова в качестве приложения к «Русскому архиву» [21] (журнал издавался при библиотеке А.Д.Черткова). В 1863 г. сын коллекционера Г.А.Чертков превратил коллекцию отца в «первую бесплатную публичную библиотеку «Rossica» [16, с.4]. В 1887 г. библиотека была передана в Исторический музей, а в 1938, за исключением рукописей, – во Всесоюзную историческую библиотеку.

Во второй половине XIX в. еще одно собрание россики было представлено личной библиотекой Алексея Сергеевича Суворина (1834-1912), известного публициста, издателя и редактора газеты «Новое время», одного из основателей журнала «Исторический вестник», создателя знаменитой серии книг «Дешевая библиотека». После смерти Суворина был издан каталог его книжной коллекции [22]; она представляет собой обширное собрание, но, к сожалению, в издании не отражено, какими параметрами руководствовался собиратель, относя источники к корпусу «ROSSICA». Однако даже беглый взгляд на перечень заглавий дает понять, что и Суворин включал украиника в состав россики.

В советское время накопление библиотеками иностранных изданий на какое-то время затормозилось. П.Х.Кананов отмечает, что «с россикой в этом отношении дело обстояло хуже, чем с книгами по многим другим отраслям знания» [8, с.230]. После 1917 г. на приобретение изданий для фондов «Rossic-и» в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (бывшей Императорской публичной библиотеке) выделялся всего 1% от общих средств. После 1930 г. возникло намерение вообще расформировать отделение. Из «Rossic-и» литература стала перекочевывать в другие отделения, таким образом количественный состав отделения снизился от 230 000 ед. в 1913 г. до 150 000 ед. в настоящее время [13, с.16].

Но с 1956 г. ведущим библиотекам страны было поручено приобретать в двух экземплярах всю научную литературу, выходящую за рубежом. В научной печати высказывалось предложение возмещать возникшие за прошлые годы пробелы в россике, обращаясь за помощью к иностранным антикварам [8]. В годы «оттепели» начал возрождаться и интерес к знаменитому отделению «Rossica» в ГПБ. Фондами приобретались издания, тематически относящиеся к отделению «Rossica», началась инвентаризация календарей из состава «Rossic-и» (около 4 000 ед.) [2, с.70]. Однако работа фонда явно не блистала «показателями» в сравнении с другими Отделениями.

В советский период среди библиографических формулировок возникло новое определение: «советика». Так, в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР формировался специальный каталог советики, причем в его состав включалась и россика – иностранная литература, «относящаяся к дореволюционной России» [4, с.231]. Однако, как известно, значительная часть «советики» по цензурным соображениям попадала в спецхраны. Только в 1991 г. было принято решение возобновить систематическое комплектование «Rossic-и» в Российской национальной библиотеке (бывшей ГПБ). Причем за период до 1999 г. фонды «Rossic-и» пополнились на 5 000 изданий [18, с.55].

Очевидно, что временные перерывы и трудности в комплектовании собраний россики и украиники в разных библиотеках зависели от внешних причин. Интерес современной общественной и научной мысли к зарубежным источникам *своей* стране показывает актуальность подобного рода собраний. Многие известные отечественные и зарубежные ученые – М.П.Алексеев, Б.Л.Модзалевский, Е.В.Тарле, М.Кадо и др., исследуя общественное и литературное мнение Запада о России, в качестве основной базы источников использовали именно фонды российских собраний россики, и в первую очередь – коллекцию Российской национальной библиотеки.

История регулярного комплектования россики насчитывает около 200 лет. Заметим, что необходимость в аккумуляции иноземных источников о России была признана официально в начале XIX в. – в период всплеска российских контактов с другими державами. Развитие международного общения требовало знаний не только о партнере по диалогу, но и о том, как этот партнер представляет Россию. За 200 лет неоднократно менялся политический, социальный, культурный облик России. А вместе с тем менялись и тон, интенсивность ее «диалога с границей». Однако при любых условиях российская общественная мысль проявляла неизменный интерес к имиджу *своей* страны и ее культуры в представлениях чужеземных оппонентов. На наш взгляд, это позволяет заключить, что внимание участника межкультурной коммуникации к имиджу *своей* страны в глазах партнера по диалогу представляет собой явление постоянное и неизбежное в ситуации общения культур. А формирование коллекций россики и украиники является результатом общественного и научного запроса.

Литература:

1. А.С.Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. – М., 1974. – Т. 2.
2. Афанасьев Ю.С. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в 1957 году. – Л.: ГПБ, 1958.
3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. – Кн. 18. – СПб, 1904.
4. Барыкина О.А. Работа Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР с зарубежной литературой по истории СССР // История СССР. – М., 1958. – №1. – С.231-232.
5. Вережкина А.Н. Библиографические указатели зарубежной исторической литературы о Советском Союзе // История СССР. – М., 1958. – №1. – С.221-229.
6. Голубева О.Д. «Бессмертное отделение “Россика”» // «Бессмертное отделение “Россика”». Материалы научной конференции 14 января 2000 г. – СПб.: РНБ, 2000. – С.36-45.
7. Гринченко Н.А., Яковлева И.Г. М.А.Корф – библиограф «Россики» // «Бессмертное отделение “Россика”». – С.28-35.
8. Кананов П.Х. К вопросу о комплектовании советских библиотек «Россикой» // История СССР. – М., 1958. – №1. – С.230.
9. Корф М. Принц датский Иоанн в России. Происшествие 1602 года // Северный архив. – 1822. – Ч. 2. – №8. – С.82-100.
10. К чести России. Из частной переписки 1812 года. – М., 1988.
11. Леликова Н.К. Эволюция теоретических представлений о россике // «Бессмертное отделение “Россика”». – С.19-27.

12. Минцлоф Р. Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге. – СПб., 1872.
13. Михеева Г.В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // «Бессмертное отделение “Россика”». – С.8-18.
14. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы, конец XVII – начало XX века. – Симферополь, 2001.
15. Новые книги. Апрель 1855 (б. п.) // Современник. – 1855. – Т. LI. – С.1 – 22.
16. Описание рукописей собрания Черткова. – Новосибирск, 1986.
17. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 19-ти т. – М., 1994. – Т. 10, 16.
18. Романов А.П., Секуторова Г.Д. Проблемы комплектования изданий по россиике в РНБ // «Бессмертное отделение “Россика”». – С.54-61.
19. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л., 1989.
20. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. Приложение II. – М., 1845.
21. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях, собранных А.Д.Чертковым. Издание второе, исправленное и слишком вдвое умноженное. – М., 1863-1864.
22. Catalogue de la section des ROSSICA de la bibliotheque de A.S.Souvorine. – Petrograd: Тип. Т-ва А.С.Суворина, 1914.
23. Catalogue de la section des Russica ouécrits sur la Russie en langues étrqngères. – St.Pétersbourg, 1873. – Т. I-II.

Поступила 27.09.2004 г.

ОБРАЗ СКОРБНОГО ПОЭТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПОСВЯЩЕНИИ ЛЕСИ УКРАИНКИ „НАДСОНОВА ДОМІВКА В ЯЛТІ” («ДОМИК НАДСОНА В ЯЛТЕ»)

Т.С. Павловская

В статье рассматривается проблема читательского восприятия творчества Надсона его современниками, и в частности объектом изучения становятся поэтические созвучия в лирике Надсона и выдающейся украинской поэтессы Леси Украинки.

Ключевые слова: С.Надсон, Л.Украинка, читательское восприятие, эпоха безвременья, литературная репутация

У статті розглядається проблема читацького сприйняття творчості Надсона його сучасниками, і зокрема об'єктом вивчення стають поетичні співзвуччя у ліриці Надсона і видатної української поетеси Лесі Українки.

Ключові слова: С.Надсон, Л.Українка, читацьке сприйняття, епоха, літературна репутация

The question of reader's perception of Nadson's creative work by his contemporaries is examined in the article. In particular, the object of study is the poetic consonance in lyrics of Nadson and the famous Ukrainian poetess Lesya Ukrainka.

Key words: S. Nadson, L. Ukrainka, readers' perception, the untempory epoch, literary reputation

Общепризнан факт ошеломляющего успеха С. Я. Надсона (1862-1887) в конце XIX и начале XX столетий. Сборник его стихотворений переиздавался 29 раз. С.Поварнин так объяснял популярность поэзии Надсона (1897 г.): «<...> Несомненно, успеху этому способствовал и талант поэта, искренность, сила его чувства, симпатичная личность его и печальная судьба. Но, конечно, главная причина его успеха заключается в содержании его поэзии» [12, с.76].

Вместе с тем нельзя сказать, что творчеству С.Надсона уделяется в литературоведении систематическое внимание. Исследователь, как правило, имеет дело с современными поэту критическими отзывами [1; 2; 14] и отдельными наблюдениями над творческой манерой Надсона [14]. Вопрос о феноменальном поэтическом и личностном обаянии Надсона способен занять достойное место в проблематике рецептивной эстетики. Целью настоящей статьи является, с одной стороны, изучение читательского видения творчества Надсона, а с другой – история конкретного восприятия лирики Надсона выдающимся украинским поэтом Лесей Украинкой, предпосылкой к чему становятся стихотворение поэтессы, посвященное Надсону, а также ее переводы некоторых его стихотворений.